

УДК 94

**ГЕРШОМ ШОЛЕМ И ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДРУЖБА
ДВУХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Д. А. Смирнов

**GERSHOM SCHOLEM AND WALTER BENJAMIN: PRIVATE LIFE AND FRIENDSHIP
OF TWO INTELLECTUALS IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL STRUGGLE
OF THE INTERWAR PERIOD**

D. A. Smirnov

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

В статье с позиции интеллектуальной истории анализируются события и обстоятельства частной жизни и дружбы Гершомо Шолема и Вальтера Беньямина как представителей поколения интеллектуалов межвоенного времени. Взаимоотношения Шолема и Беньямина рассматриваются в контексте влияния на них идеологической борьбы и политических проблем истории Веймарской республики и нацистской Германии. Источниками, отражающими события частной жизни и дружбы мыслителей, являются сохранившиеся сегодня в личных архивах дневники и письма Шолема и Беньямина. Наряду с законченными и незаконченными научными работами они выступают важнейшей документальной базой исследуемого вопроса. В этих источниках личного плана также представлены философские и теологические дискуссии между ними и мнения мыслителей по поводу актуальных на тот момент вопросов гуманитарного знания. Колоритные оценки исторического контекста дополняют картины интеллектуального пространства. Анализ документов показывает, что политические события, экономические и социальные проблемы глубоко влияли на научные представления мыслителей, но делали их личные связи еще более тесными.

Events and circumstances of private life and friendship of Gershom Scholem and Walter Benjamin as the representatives of the intellectual generation of the interwar period are analyzed in the paper from the perspective of intellectual history. Relationship of Scholem and Benjamin is considered in the context of influence of ideological struggle and political problems of the Weimar Republic and Nazi Germany history on it. The sources reflecting the events of private life and friendship of the thinkers are diaries and letters of Scholem and Benjamin preserved at the moment in the personal archives. Along with the finished and unfinished scientific works they are the most important documentary base of the studied issue. In those personal sources philosophical and theological discussions between the thinkers and their opinions about humanitarian issues current at the time are provided. Picturesque assessments of the historical context complete the scenes of intellectual space. The analysis of the documents shows that the political events, economic and social problems influenced deeply the scientific ideas of the thinkers, but made their personal relations even closer.

Ключевые слова: Гершом Шолем, Вальтер Беньямин, интеллектуалы, интеллектуальная история, межвоенное время.

Keywords: Gershom Scholem, Walter Benjamin, intellectuals, intellectual history, interwar period.

Изучение в России интеллектуальной истории Германии 1920-х – 1930-х гг. отмечено в последние годы растущим интересом к жизни и идеям немецкого мыслителя Вальтера Беньямина (1892 – 1940). Его многочисленные контакты и разносторонние занятия позволяют воссоздать широкое и противоречивое интеллектуальное пространство не только Германии, но и Европы межвоенного времени в целом.

Одним из интеллектуальных контактов Беньямина, повлиявших на его научную деятельность, а также на отношение к общественно-политическим событиям, стала его дружба с Гершомом Шолемом (1897 – 1982), крупнейшим еврейским философом XX в., заложившим основы современной науки о каббале и еврейской мистике.

Они познакомились еще в студенческие годы. Их объединяли тогда схожие моменты личной жизни, поскольку обоим в стремлении свободно заниматься интеллектуальной деятельностью пришлось преодолеть сопротивление родителей. Когда Шолем стал изучать иврит и примкнул к сионистскому движению, его отец выступил против этого и призывал адаптироваться к немецкому обществу, а не афишировать свое еврейство. Это стало причиной конфликта Шолема с отцом, обострившегося во время Первой мировой войны, когда Шолем, кстати, как и Беньямин, отрицательно отнесся к немецкому патриотизму. Беньямин скрывался от призыва в Швейцарии, а Шолем был освобожден от военной службы по медицинским показаниям.

Если занятия Гершома иудаизмом вызвали неприятие у родителей, то у Вальтера фактический конфликт в семье произошел из-за того, что он, избрав основными занятиями писательство и журналистику, больше полагался на материальные средства родителей и много путешествовал. Для бюргерских представлений родителей занятия сына были несерьезными. По окончании гимназии в 1912 г. Беньямин поступил на философский факультет во Фрайбургский университет, но из-за войны окончил учебу только в 1919 г. в Берне, где защитил диссертацию «О понятии художественной критики в немецком романтизме».

Шодем также учился во многих университетах и лишь в 1922 г. защитил диссертацию, ставшую комментированным переводом каббалистического трактата «Сефер-ха-бахир». В годы студенчества большое влияние на Шолема оказал авторитетный еврейский философ Мартин Бубер. Позднее между Бубером и Шодемом возникли серьезные разногласия как по политическим вопросам, так и по вопросам философской оценки еврейского духовного наследия.

Беньямин в своем познании мира также не обошел вниманием еврейскую религиозную философию, в том числе идеи Бубера. Именно их критическое обсуждение позволило молодым исследователям найти общее в мировоззрении друг друга. Их непосредственное знакомство произошло 23 июля 1915 г., когда Шодем посетил комнату Беньямина, и она произвела на него впечатление «кельи философа», где мыслитель с «историко-философским мышлением», «усердно занимался «сущностью исторического процесса»». По просьбе Беньямина Шодем изложил тогда свой взгляд на исторический процесс: «Все мы имеем кровную связь, которая завещает нам духовную субстанцию и определенные тенденции развития; далее, каждый по отдельности имеет определенных, не принадлежащих к кровной связи духовных предков, которые дают форму его субстанции». Беньямин выслушал его и сделал вывод, что их взгляды на исторический процесс отражают два разных пути: социализм и сионизм [12, s. 132 – 133]. Шодем признает в воспоминаниях, что по отношению к Беньямину уже в начале 1920-х гг. оказался в двойственном положении, которое он объяснял не только поворотом Беньямина к марксизму, но и различиями в характере двух друзей. Впрочем, различия позволили на долгие годы сформировать компромисс для обмена мнениями.

Их встречи, как свидетельствуют дневники Шолема и переписка, стали довольно частыми. Беньямин старался рассказывать Шодему о своих планах и ожидал этого же от него. При этом продолжавшаяся война оказывала влияние на настроения молодых людей, и несмотря на небольшой объем писем, Беньямин считал необходимым сообщить, например, что он «мало надеется на конец войны в этом году» [4, s. 282] и не уверен, что письмо дойдет до Шолема, поскольку тот может быть в армии [4, s. 307].

Спустя полгода Шодем признавал: «Это знакомство оказывает и окажет на меня духовное влияние» [12, s. 176]. Однако детальный разговор состоялся у них лишь в августе 1916 г., когда в течение нескольких дней молодые люди попытались обсудить все наиболее актуальные темы. Шодем во введении к

дневнику потом написал: «Все время, пока были вместе, мы ужасно много говорили об иудаизме: о переезде в Палестину, об «аграрном сионизме», об Ахад га-Аме и «справедливости», но больше всего о Бубере, от которого за четыре дня почти ничего не осталось. Беньямин был прав, когда, прощаясь, сказал мне, что, случись мне встретить Бубера, стоит передать ему от нашего имени ведро слез» [3, с. 17]. Как однажды признался Шодем, во время разговора он увидел в Беньяmine «тип экспериментатора» [14].

Разговор августа 1916 г. позволил Шодему сделать вывод о разносторонности мышления Беньямина: «Ум Беньямина вращается и будет еще долго вращаться вокруг мифа, к которому он хочет подойти с самых различных сторон. Со стороны истории, где он идет от романтизма, со стороны поэзии, где он идет от Гердерлина, со стороны религии, где он идет от иудаизма, и со стороны права. «Когда у меня однажды будет своя философия, – сказал он мне, – это будет в какой-то мере философия иудаизма»» [12, s. 391]. Такое стремление к целостному восприятию предмета познания, магическому восприятию становилось характерным для методологии Беньямина.

В 1917 – 1918 гг. переписка Шолема и Беньямина стала более развернутой. Кроме проблем еврейской мистики вопросами обсуждения становились особенности философии истории Канта, взаимосвязь метафизики и религии, проблемы традиции и воспитания, различия между иудаизмом и христианством. В одном из писем в ответ на мысли Шолема о еврейской религиозной традиции Беньямин пишет об историческом значении традиции: «Я убежден, что традиция является средством, в котором ученик непрерывно и во всей сфере воспитания превращается в учителя. В рамках традиции все являются воспитывающими, стремящимися к воспитывающим и всё является воспитанием. Эти отношения символизируются и обобщаются в процессе обучения. Кто не учился, тот не может воспитывать, потому что он не видит, на каком месте он сам стоит, как он таким образом охватывает традицию и посредством этого становится учителем. Кто понял свое знание как уникально переданное, тот и становится неповторимым образом свободным» [4, s. 382].

Воспоминания Шолема, относящиеся к периоду Первой мировой войны, дают нам сегодня также первые описания отдельных сторон поведения Беньямина. Шодем отмечает, что наряду со его стремлением оставаться в одиночестве, а также избегать дискуссий о политических событиях военной поры, заметным было его «желание придавать таинственность всему вокруг» [15, s. 34]. Кроме того, на Шолема «непосредственно произвела впечатление гениальность» мыслителя: «Ясность, которая часто следовала из его скрытого мышления, энергия и острота, с которой он экспериментировал в разговоре, и приправленная остроумными фразами неожиданная строгость, с которой он детально останавливался на вещах, намешанных во мне, главные моменты которых, осязаемость моих сионистских убеждений и вытекавшие из моего философско-математического выбора специальности в университете вопросы, для него на самом деле были

все же далеки. Он был хорошим слушателем, хотя и любил долго и много говорить» [15, s. 36].

Непосредственно свою дружбу с Беньямином Шолем позже характеризует так: «Впервые я встретил человека с очень самобытной силой мысли, которая обращалась со мной на новом уровне и вела в новые глубины. Каждый нашел в другом собеседника, и наши беседы протекали чрезвычайно живо. Таким образом, мы, вероятно, способствовали развитию своего в другом. В общении между нами были взлеты и падения, и в течение восьми лет, прежде, чем я уехал в Палестину, возникла дружба, которая продолжалась до самой его смерти, и сверх того» [13, s. 76].

Мысли Беньямина охватывали Шолема своей «излучающей собственной мораль аурой». Насколько он мог их понимать, «они имели собственную мораль, связанную с религиозной сферой, которая тогда определялась совершенно ясно и открыто в исходной точке его мышления. Но в отношении к вещам повседневной жизни Беньямин противопоставлял определенно аморальный элемент, с которым я не мог согласиться, хотя он оправдывал себя, исходя из презрения к бюргерскому». Шолем отмечает у Беньямина в его отношении к бюргерскому миру «нигилистические черты»: «Моральные категории он признавал только в сфере жизни, воздвигнутой вокруг себя... Беньямин объяснял это тем, что люди, как мы, возлагают на себя обязательства только перед равными себе, но не обязаны следовать правилам общества, которые мы отвергаем. Мое понимание честности, например, по требованию родителей, полностью отвергалось». При этом Шолем отмечает, что «Беньямин на самом деле не был циничным человеком, что хорошо сочеталось с глубоко укорененной в нем мессианской верой» [15, s. 70, 71].

Переписка Шолема и Беньямина свидетельствует, что в 1919 г. именно научный интерес к еврейской религиозной философии, и конкретно к каббалистической литературе, все больше сближал друзей, формируя в общении между ними особое интеллектуальное пространство, предметы которого были зачастую понятны только им двоим. В 1920 г. Беньямин, очевидно по совету Шолема, начал регулярно покупать и знакомиться с еврейской религиозной литературой, о чем постоянно сообщал другу. В одном из писем, спрашивая о перспективах докторской защиты Шолема, Беньямин заявил: «Я хочу стать великим каббалистом, если Вы не станете доктором «*summa cum laude*» [5, s. 92]. Спустя десятилетия Шолем напишет: «В этом году я полагал, что обращение Беньямина к интенсивным занятиям иудаизмом прямо стучалось в дверь. Но мне были ясны и препятствия для этого, и я умолял его в письмах не упустить благоприятное и подходящее время» [15, s. 117].

В 1920 – 1921 гг. Беньямин часто обращался к Шолему с просьбой разъяснить то или иной вопрос в сионизме. По поводу одной из критических заметок Шолема Беньямин прямо указал, что высказанные в ней мысли близки его идеям, сформулированным в «Задаче переводчика» [5, s. 215].

В конце 1922 г. Шолем стал преподавать курс «История еврейской мистики» в еврейской народной школе в Берлине. Но идея переезда в Палестину его

не покинула и постепенно реализовывалась. Беньямин все больше высказывал сожалений по поводу скорого отъезда Шолема. Впрочем, он не стремился его отговаривать. После переселения в Палестину в 1923 г. Шолем сконцентрировал свои исследования на еврейской мистике. И Беньямин, благодаря его письмам, постоянно открывал для себя что-то новое из этой сферы, знакомясь с новыми текстами философа в печатном виде или в виде рукописей.

Именно оформившийся тогда интерес к магическому, мистическому, находивший выражение у Шолема в занятиях каббалистикой, а у Беньямина в изучении эпохи барокко позволил позже Ханне Арендт обозначить основу тесного общения двух интеллектуалов: «В этом смысле точную пару беньяминовскому, в двойном смысле барочному, выбору составляло диковинное решение Шолема прийти к иудаизму через каббалу, то есть такую часть еврейской словесности, которая не передавалась и принципиально непередаваема в рамках установленной еврейской традиции, поскольку всегда имела для нее явный привкус незаконного» [1, с. 180].

Вершиной влияния Шолема на Беньямина можно считать именно период начала 1920-х гг. После отъезда Шолема в Палестину Беньямин постоянно переписывался с ним и признавался, что тот является одним из немногих, кто хорошо понимает его. Они обменивались новостями и рассказывали друг другу о своей работе. Для Шолема одной из целей становится стремление убедить Беньямина перебраться в Палестину.

Текстами Беньямина, написанными под влиянием интереса к теологии, можно считать «О языке прежде всего и о языке людей», «О программе будущей философии», «Теологически-политический фрагмент», «К критике власти». Как отмечал впоследствии Шолем, ««Теологически-политический фрагмент» являлся чистейшим иудейским текстом, в котором Беньямин пытался выяснить для себя, как выглядел бы мессианизм. Этот фрагмент завершался признанием нигилизма, объясняемым с точки зрения иудаизма. Теологические мотивы можно обнаружить и в «Критике власти»» [9, s. 7]. Материалы журнала «Ангелус новус», который Беньямин задумывал в начале 1920-х гг., также планировалось посвятить религиозным темам.

После завершения в 1925 г. докторской диссертации «Происхождение немецкой барочной драмы» и краха при ее защите публикации Беньямина носят все более фрагментарный характер. Это были либо рецензии, либо заметки по итогам путешествий. Дневниковые записи были также скорее описательны. Письма Шолема и Беньямина друг другу были все меньше посвящены одному конкретному вопросу – обсуждению книги, научному факту или отдельному исследованию – и приобрели форму подробного рассказа о событиях из жизни. Беньямин все больше проникался разнообразными научными идеями и общественными настроениями, развивавшимися в Германии «веймарского периода». Сохранять повышенный интерес к каббалистике мыслителю было трудно не только потому, что самый активный из друзей-каббалистов был далеко, но и потому, что круг знакомств Беньямина

расширялся и многие близкие симпатизировали прежде всего левому движению, а для него самого все острее становился даже вопрос о вступлении в компартию [6, s. 109]. Стремясь разобраться в себе, Бенямин подробно излагал в письмах другу за и против такого вступления [6, s. 158 – 163].

Но в центре их переписки были не только актуальные идеи и события. Шодем признает впоследствии, что и он, и многие друзья ожидали от Бенямина в середине 1920-х гг. «нечто значительное». Он обладал таким систематическим мышлением, которое способно было представить новую систему метафизики. Однако, как отмечает Шодем, единственно, в каком качестве он действительно проводил в конце концов систематическую линию, это было качество «философско-литературного фрагментиста». В этом качестве он реализовывал себя в рецензиях и заметках. Крупнейшим «значительным» исследованием для Бенямина в это время мог стать труд о парижских пассажах, над которым мыслитель трудился 13 последних лет жизни, но так и не завершил. Углубление в это исследование, отмечает Шодем, сопровождалось исключительно поворотом к марксизму. При этом он замечает, что старался «не способствовать этому повороту» и сохранять у Бенямина интерес к теологии [14].

Впрочем, в середине 1920-х гг. идея отправиться в Палестину вслед за Шодемом также продолжала оставаться для Бенямина актуальной. Но Бенямин ценил свое положение свободного исследователя. Он путешествовал по Европе, завязывал знакомства и переписку с людьми разных взглядов. Поэтому выбор пути в Палестину казался ему непреднамеренным сужением и интеллектуального, и географического горизонта жизни и деятельности. Тем не менее, Палестина представлялась Бенямину и таким чистым пространством, где не нужно постоянно доказывать и показывать, кто ты есть и чего ты стоишь, как это было в Европе и конкретно в Германии, охваченной политическими и общественными потрясениями. Это была «земля обетованная» для свободного интеллектуального творчества. Но вставала задача обретения там полной свободы, а это, и по мысли Шодема, и по признанию Бенямина, было невозможно без глубокого вживания в еврейскую интеллектуальную культуру и конкретно без знания иврита. Мыслитель прилагал большие усилия, чтобы овладеть языком.

В 1928 г. Бенямин писал о намерении посетить Шодема в Палестине [6, s. 378]. Решающим для этого могло бы стать знакомство благодаря Шодему с Иудой Магнесом, президентом Еврейского университета в Иерусалиме. После знакомства в Париже с Бенямином Магнес согласился дать ему стипендию в объеме 3600 марок на 1 – 2 года в размере 150 – 300 марок в месяц для изучения иврита, с условием, что он затем посвятит себя изучению всего, что связано с еврейством [15, s. 172 – 175].

Но в феврале 1929 г. Бенямин сообщил Шодему, что готов учить иврит в Берлине, а в Палестину поехать лишь осенью, если из Европы будет возвращаться сам Шодем. Однако, позже, ссылаясь на высокие цены на учебу, Бенямин написал, что еще не начинал систематически изучать иврит. При этом он

продолжал интересоваться трудами Шодема на тему каббалы [6, s. 437]. В своих письмах Шодему Бенямин постоянно раскрывает все новые аргументы к поездке в Палестину, но не решается сделать последний шаг.

В 1920-е гг. основу интеллектуальной деятельности Бенямина составляла критическая позиция, выражавшаяся в независимом и свободном суждении по вопросам гуманитарных наук. Но постепенно независимая позиция Бенямина первых лет Веймарской республики становилась невозможной. Это стало очевидно на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в условиях обострения политической борьбы в Германии. По поводу ситуации, в которой оказался лично Бенямин, Шодем вспоминает: «Бенямин был аутсайдером в двойном смысле: в отношении науки, где он оставался таким в значительной степени до настоящего времени, и в отношении литературы. Немногие его коллеги среди литераторов могли бы начать что-то делать с ним; многим он был неприятен. И это чувство было взаимным» [15, s. 182].

Для самого Бенямина широкий интерес к общественной жизни все более приобретал характер открытой политической экспертизы. Интеллектуальное фланирование нуждалось в острой политической полемике, поскольку многое вокруг противоречило сути свободной критики. По мнению Шодема, именно в 1930 г. четко обозначились «поворотный момент в духовном развитии и пик интенсивной деятельности Бенямина в литературе и философии» [15, s. 197 – 198]. Наверно признавая в этом году, что он так и не переселится в Палестину, Бенямин писал Шодему: «Никакого другого образа полного жизни иудаизма я совершенно ни в ком не узнал, кроме тебя. Вопрос, который я ставлю перед иудаизмом, всегда является вопросом, который я – я не хочу не говорить тебе (так как моя дружба не будет зависеть ни от какого решения) – отношу к силам, затронутым тобой во мне» [6, s. 520].

В 1931 г. на фоне экономического кризиса основной темой их переписки становятся именно личные проблемы и социальные неурядицы. Однако новейшая литература, в том числе по каббалистике, также обсуждается [7, s. 52]. С обострением ситуации в Германии изменилась риторика в письмах друзей. В 1932 г. они стали называть нацистский режим Третьим Рейхом. Но обсуждения научных дел они практически не касались, скорее понимая, что актуальному положению друг друга помочь не смогут, и обращаясь к коллеге лишь за духовной поддержкой.

В середине 1930-х гг. друзья в своих письмах часто обсуждают судьбу общих знакомых, которые еще оставались в Германии, сына и брата Бенямина, брата Шодема. Ситуация в Европе вновь обостряла вопрос о переселении Бенямина в Палестину и в 1933 г. он писал Шодему, что готов поехать, но только если все будет подготовлено. На это он не мог надеяться, так как не владел ни ивритом, ни английским языком, и признавал, что для него «в Палестине меньше пространства, чем в Европе» [7, s. 238].

Постоянной темой размышлений в письмах этого времени становится история. Итогом этого были не только материалы, собранные Бенямином к исследо-

ванию парижских пассажей, но и историко-философские тезисы «О понятии истории». Возможно, они подтолкнули Шолема к написанию собственных «10 неисторических тезисов о каббале». По его мнению, изменениям во взгляде на марксизм у Бенямина, нашедшим отражение и в тезисах «О понятии истории», и в сохранившихся архивных материалах, способствовали тогда сталинские репрессии и начало Второй мировой войны.

Бенямин активно использовал предложенные Марксом категории и дал своей модели исторического познания, понимаемого как пробуждение, также марксистское объяснение [8, s. 495 – 496]. При этом Шолем указывает на «загадочное сочетание переплетающихся друг с другом в мышлении Бенямина двух образов мысли – метафизически-религиозного и материалистического». Шолем признает, что позиция мыслителя находила более яркое и точное выражение в работах, основанных на материалистическом образе мысли. Он относит такую относительную победу материализма в мышлении Бенямина к середине 1920-х гг. [15, s. 156]. Впрочем, по его словам, метафизика оставалась для Бенямина духовным источником, с которым «категории материализма мало и часто совсем не имели дела». Исторический материализм, по оценке Шолема, был признан Бенямином «как эвристический принцип, но не как догма» [15, s. 210]. Эту мысль он высказал и в письме другу в 1931 г., считая, что Бенямин от материалистического метода «независим полностью (в лучшем случае) или (в худшем случае, как во многих работах последних двух лет) играет с двусмысленностями и погрешностями этого метода» [15, s. 284]. Шолем полагал, что занятия материализмом могут быть безопасны для Бенямина лишь до момента, когда он будет разоблачен как «типичный контрреволюционер и буржуа, как этого не стремится избегать», поскольку его «диалектика не является диалектикой материалиста» и он «подобен настоящему материалисту лишь до тех пор, пока пишет для буржуа о буржуа» [15, s. 284].

По мнению Шолема, осторожному обращению с историческим материализмом у Бенямина «до самого конца соответствовала в его работах и сохраняющаяся приверженность иудейским категориям» [15, s. 210]. Однако последний момент можно считать очевидным лишь для Шолема, полагавшего, что Бенямина все еще можно было повернуть к каббалистике.

Сохранившийся в эти годы интерес Бенямина к еврейской религиозной философии Шолем обнаружил позже в его тексте «Агесилаус Сантандер», написанном в 1933 г., где Бенямин комментирует картину Пауля Клее «Angelus Novus». По словам Шолема, эта картина «играла в его жизни глубокую роль как образ для размышлений и как напоминание о духовном предназначении». Шолем указывает, что в этом тексте обнаруживает себя «двунаправленность беняминовского мышления, в котором мистическая интуиция и рациональный взгляд часто лишь внешне связываются диалектикой», и называет ее также «самой удивительной чертой Бенямина», «сочетанием редкой проникновенности мысли, дара ее диалектической

остроты со склонностью к фантастическим теориям» [2, с. 186].

Бенямин обращается в «Агесилаус Сантандер» к еврейским религиозным мотивам для объяснения личной жизни, вспоминая о традиции давать при рождении тайное имя: «Так в берлинской комнате, где я жил, тот, кто не успел явиться из моего имени во всем своем снаряжении на свет дня, прикрепил к стене свое изображение: Новый Ангел. Каббала рассказывает, что Господь каждый миг творит сонмы новых миров, предназначение каждого из которых – одно мгновениепеть хвалу Господу перед его престолом, чтобы потом раствориться в Ничто. Новый Ангел и выдал себя за такого, прежде чем пожелал назваться» [2, с. 186]. В созданных Бенямином образах Шолем находит не только отражения событий его личной жизни, но и оценки общественной реальности. Более того, следуя за выявленными в тексте связями с каббалистикой, Шолем резюмирует: «В фантазмагорическом видении картина «Angelus Novus» становится для Бенямина образом его Ангела как оккультной реальности его самого» [2, с. 192].

В последние годы жизни Бенямина к повседневным трудностям добавились политические проблемы. Начало Второй мировой войны привело к тому, что мыслитель оказался под угрозой быть интернированным из Франции, где проживал. К тому же его угнетала общая ситуация в самой Германии: преследование несогласных, тревожные новости о близких, а также поведение тех, кто отказался от сопротивления режиму [8, s. 1172].

Близко общавшийся с Бенямином в Париже в 1937 – 1938 гг. Сома Моргенштерн рассказывал позже Шолему, что они больше разговаривали о литературе, чем о политике, пока не началась война: «В то время он был оптимистом и его намного больше интересовали разговоры со мной о Лескове, чем о Сталине и Геббельсе. До мрачного дня, когда обрушилась новость о пакте Гитлера и Сталина». По оценкам Моргенштерна, в отличие от многих коммунистов, «новость о пакте нанесла ему лично неисцелимый удар»: «Этот поступок Сталина отнял у него веру в исторический материализм». И эти новые обстоятельства создали предпосылки для работы над очерком «О понятии истории»: «Я предполагаю, что в ту же неделю он составил план своих тезисов, которые позже написал и которые не означали ничего иного, как ревизию исторического материализма» [10, s. 251 – 252]. Моргенштерн признался Шолему, что «всегда считал Бенямина заблуждавшимся каббалистом и с болью сожалел, что такой духовно глубокий человек, как он, мог еще испытывать заблуждения в большевизме и мог быть сбит с толку им» [11, s. 516].

Такая оценка соответствовала и мнению самого Шолема. Свой главный труд «Основные течения в еврейской мистике», вышедший вскоре после смерти мыслителя, он посвятил ему: «Памяти Вальтера Бенямина, друга всей моей жизни, чей гений соединял глубокую интуицию метафизика с даром критического истолкования и эрудицией ученого. Умер в Порт-Боу, на пути к свободе». Эти слова констатировали признание Шолемом значения Бенямина и для своих идей, и для мировой интеллектуальной истории. Сво-

им долгом он считал сохранить и донести идеи Бен-ямина до широких масс и следовал этому до конца своей жизни.

Литература

1. Арендт Х. Вальтер Беньямин // Иностранная литература. 1997. № 12.
2. Шолем Г. Вальтер Беньямин и его ангел // Иностранная литература. 1997. № 12.
3. Цит. по: Заболотная Н.-Э. Г. Г. Шолем – духовные странствия // Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2004.
4. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band I.
5. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band II.
6. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band III.
7. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band IV.
8. Benjamin W. Gesammelte Schriften. 7 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972 – 1989. Band. V.
9. Colloquium mit Professor Gershom Scholem am Freien Universität Berlin (Seminar für allgemeine und vergleichende Literaturwissenschaft) am 17. Mai 1968: Walter Benjamin// Scholem Archive in the Jewish National Library of the Hebrew University. Arc. 4. 1598. 11. S. 7.
10. Morgenstern S. Drei Briefberichte zu Walter Benjamins Exil // «Was noch begraben lag». Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente. Hrsg. von Geret Luhr. Berlin: Bostelmann & Siebenhaar Verlag, 2000.
11. Morgenstern S. Über Walter Benjamin. Aus Briefen an Gershom Scholem // Morgenstern S. Kritiken, Berichte, Tagebücher. Lüneburg: zu Klampen, 2001.
12. Scholem G. Tagebücher. Nebst Aufsätzen und Entwürfen bis 1923. 1. Halbband 1913 – 1917. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
13. Scholem G. Von Berlin nach Jerusalem. Jugenderinnerungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994.
14. Scholem G. Vorwort zu Erinnerungen von Walter Benjamin // Scholem Archive in the Jewish National Library of the Hebrew University. Arc. 4. 1598. 2-54.
15. Scholem G. Walter Benjamin – die Geschichte einer Freundschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975.

Информация об авторе:

Смирнов Дмитрий Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, d-smirnov@mail.ru.

Dmitriy A. Smirnov – Doctor of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.